

Азъ

Алёна Анисимова
Ольга Баумгертнер
Игорь Вардунас
Евгений Гаркушев
Сергей Ерёмин
Николай Желунов
Дарья Зарубина
Виталий Каплан
Алекс де Клемешье
Вероника Ливанова
Сергей Лукьяненко
Людмила Макарова
Юлия Рыженкова
Александр Сальников
Наталья Федина
Максим Черепанов
Юстина Южная

Мелкий Дозор

Сборник

АСТ
Москва

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М47

Серия «Дозоры»

Художник А. Фerez

Автор идеи *С. Лукьяненко*

Составитель *А. Синицын*

М47 **Мелкий Дозор** : сборник. — Москва : АСТ, 2015. — 416 с. —
(Дозоры).

ISBN 978-5-17-088519-0

Противостояние Света и Тьмы на перекрестках пространства и времени продолжается. Дозоры несут свою вахту на широких петербургских проспектах в царской России и в тюремной зоне советских времен, в монгольских степях в годы юности Чингисхана и на узких улочках Вены наших дней...

Мы всегда и везде под присмотром Дозоров!

Помимо рассказов Сергея Лукьяненко, в сборник вошли рассказы победителей мастер-классов на конференциях Роскон 2013 и 2014 и конкурса, приуроченного к выходу романа Сергея Лукьяненко «Шестой Дозор».

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© С. Лукьяненко, 2013
© Составление. А. Синицын, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2015

Алёна Анисимова

От крови до клятвы, от клятвы — до крови

*Не обижай слабого детеньца —
он может оказаться сыном тигра.*

Хан Темуджин (Чингисхан)

1

Татарского пленника вели в поводу, как непослушную кобылу. Недоуздок рвал ему губы, заставляя с ожесточением вгрызаться в крепкую колючую веревку. Колodka на шее клонила к земле. Мужчина то и дело спотыкался, обдирая босые ступни о каменистую почву.

Есугай, в свои двадцать пять лет уже получивший в народе славу героя-баатура, молча ждал, пока знатного пленника бросят к его ногам. По примеру своего предводителя молчали и остальные воины. Только белели костяшки крепких ладоней, сжимая рукояти кнутов и ножей.

— Смерть выродку! — все же не выдержал кто-то, и орда тут же подхватила этот клич, донося до самого небесного отца монгольскую родовую ярость.

Из толпы потянулись хваткие пальцы, сдирая с мужчины богатый халат, расшитый шелком по шелку. Еще десяток шагов — и пленник остался бы позорно нагим, но Есугай неспешно поднял руку, и волнующаяся толпа замерла, не договорив обидных речей, не тронув больше ни единого лоскута китайской работы. Никто не смел мешать Есугаю-баатуру изречь приговор. Из стоявшей поодаль маленькой юрты донесся еле слышный женский стон, и по лицу потомка великого хана Амбагая пробежала тень.

— Пленник! Твое имя будет стерто в веках, твои дела порастут ковылем, и их скроет конский навоз! Но сейчас тебе дозволено говорить, как подобает воину, что не страшится звона мечей. Назови себя перед лицом Отца Небо и перед этими честными людьми! — Есугай обвел рукой своих соплеменников.

Один из монголов, приведших пленного, вытащил у него изо рта мокрую веревку и брезгливо отбросил прочь. Остальные навалились ему на плечи, заставляя упасть на колени.

— Я зовусь Темуджин-уге, вождь татарского племени! — выпалил мужчина, сверкая глазами на своих понукателей. — Мои юрты подпирают небо над долиной Уршиун! Мои жеребцы топчут землю от озера Колен до озера Буир! Племя отомстит за меня!

Есугай опять нахмурился: то ли словам татарского вождя, то ли услышав сквозь ропот толпы очередной женский стон. Показалось, или он был громче предыдущего?

Никто не слышал этого. Монголы трясли кулаками, суля Темуджин-уге самые страшные кары. Есугаю снова пришлось призвать к тишине.

— Ты, — баатур ткнул пальцем в пленного, и тот вздрогнул, — ты потомок предателей и внук предателей, поправших узы дружбы. За звонкую монету продавших моего великого предка Амбагая коварным чжуржэням. Я убил твоих воинов, забрал жеребцов и разграбил юрты.

Есугай прервался на миг: теперь это был не стон, а крик, слышимый всем, собравшимся на казнь побежденного татарского вождя.

— Нет больше твоего рода, Темуджин-уге, — помолчав, бесстрастно продолжил предводитель монголов, — за тебя некому мстить. Твои женщины будут служить моим людям, согревать ложе моим воинам и подавать сочное мясо к трапезе. Нет больше *тебя*, Темуджин-уге.

— Злобный змей, ты заплатишь за мою смерть кровью сыновей! — выкрикнул побледневший пленник и тут же согнулся от удара в живот.

Еще один женский крик разнесся над толпой, заставив многих недоуменно озираться. Есугай дернул плечом, будто хотел уйти, но сдержался. Неподдалеку хлопнула дверь юрты.

— Я забрал у тебя стада, юрты и женщин, как перед смертью пожелал мой храбрый предок — хан Амбагай, — внезапно горячо выпалил предводитель монголов, — но это не все, что можно отнять

у врага. Я заберу даже твоё имя! Отправляйся в страну теней, безымянный воин степи!

Сабля почти неслышно покинула ножны Есугая и ярким росчерком приземлилась на шею пленника. Обезглавленное тело задергалось, орошая монгольские сапоги кровью. Воины в едином порыве вскинули оружие, но их боевой клич вдруг перебил радостный женский возглас:

— Сын!!! Оэлун родила сына!

* * *

Где-то на грани сознания почудился звонкий щелчок. Это сдвинулась история, застоявшаяся было на одном месте. Незримое колесо завертелось в нужном направлении, пожирая выбранную колею.

Я развернулся и пошел прочь. Кого сейчас видели храбрые монголы? Может, оборванца, который прибил к племени на случайном перепутье? Может, юродивого, пропахшего бараньей шерстью, которого кормили сердобольные старухи? А может, всего лишь легкую тень, скользящую в направлении заката? Я был для них невидим — заклинание отводило глаза. Впрочем, все внимание монголов сейчас было обращено на маленькое тельце, которое целиком помещалось в ладонях Есугая-баатура.

Сумеречным зрением я увидел вокруг ребенка разноцветные всполохи, радужные переливы: аура была неровной, дрожащей, а это значило...

— Я отнял имя у татарского вождя, которого победил в честной битве. Отныне это имя будет носить мой сын!

— Темуджин! — хором разнеслось по степи из сотни глоток.

— Иной, — вполголоса добавил я, уходя в Сумрак.

* * *

Над дрожащей линией горизонта появилось темное пятно. Здесь путник обычно достает потрепанные карты и недоверчиво перебирает их сухими, заскорузлыми пальцами; вглядывается в горизонт, отыскивая приметы человеческого присутствия.

Мне это не требовалось. Я знал, что впереди Самарканд: древний город, прославленный в песнях и легендах. Его стены хранили историю нескольких войн, в которых почти всегда были замешаны Иные.

— Эй! — Жеребец вдруг потащил меня в сторону от дороги, заставив покрепче прихватить повод. На возмущение скотина не реагировала, продолжая трусить в сторону сочных зеленых кустов. Конь устал: я взял его у бедняков, живущих в восьмидесяти ли отсюда. За целый день я не дал ему ни минуты отдыха, уводя от знакомой кормушки все дальше.

Можно было вразумить его заклинанием, но десяток порталов через колючий степной Сумрак заставляли обходиться человеческими способами передвижения. Я потратил уйму Силы, открывая прямой путь из лагеря монголов в Хорезм, и это оказалось ошибкой. Портал раскрылся в чистой степи, где не было ни следа человеческого присутствия. Пришлось идти пешком полдня, прежде чем впереди показалось небольшое кочевье. Дальше я осторожничал, шагая через Сумрак на небольшие расстояния и проезжая по сотне-другой ли в день верхом.

Порыв ветра растрепал коню гриву, и он, почуввав жилье, зашагал бодрее. Скоро с животного снимут мокрые потники, расстегнут крепко затянутую подпругу и дадут сена. Жаль, мои силы не удасться восстановить так же просто.

На Совет я шел уставшим и злым. Еще у ворот мне выдали метку — небольшой амулет в виде когтя, который было видно только в Сумраке. Резная кость заставляла кожу чесаться — то ли от Темной магии, то ли от недельного блуждания по степям.

Вход обнаружился не сразу: потребовалось пройти всю улицу, прежде чем я догадался оглядеться сквозь Сумрак. Дверь была втиснута между двумя замурованными арками, на первом слое висел массивный замок. Я вздохнул и шагнул на второй. Здесь вместо крепких досок оказался простой пролом в стене, затянутый черным маревом. Да, многовато в Самарканде Темной магии: сначала амулет, теперь заклинание в проеме... Отголоски прошлых лет?

Черный туман прынул в стороны.

— Приветствуем тебя, многоуважаемый Джалим-хоса! — Слуга, стоявший на входе, оказался вампиром. Сейчас порождение Тьмы растянуло губы в широкой улыбке, демонстрируя внушительный набор клыков — на верхней челюсти их было аж четыре штуки вместо привычных двух. Я с трудом сдержался от желания

избавить его от лишней пары и просто кивнул. Не дело Светлому Иному первого ранга устраивать драку с каким-то мелким кровососом.

Моему взору открылся просторный круглый зал, купол которого исчезал в дыме из многочисленных курильниц. По периметру стояли низкие столы, рядом с которыми вольготно расположились гости из самых разных краев. Нескольких я узнал и почувствовал, как заныли шрамы на шее. Темных и здесь было больше.

— Джалим-хоса! Вкуси хорезмского вина, отдохни на подушках из китайского шелка! — засуетился вокруг все тот же слуга. Он провел меня вдоль стены к богато накрытому дастархану.

— Начало положено, — изрек мужской голос, и в центре зала поднялся высокий мужчина. Его я помнил, Фазуллах был самым сильным Светлым в Хорезме. — Произнесем же слова великого Договора, взвесившего борьбу Тьмы и Света и нашедшего ее неуместной.

Перед каждым из сидящих всплыли горящие строки. На каком языке Договор был написан изначально, никто не знал. Может, это была латынь, а может, иврит — но каждому из присутствовавших слова были понятны.

Мы — Иные.

Мы служим разным силам...

Я терпеливо ждал окончания действия. Даже глаза закрыл, хотя пылающие строки все равно манили, заставляя вдуматься, осознать, прекратить извечную войну... Договор рассудил прения между многими городами и даже царствами. Раньше я бы трижды подумал, прежде чем сунуться в насквозь пропитанный Темной магией Самарканд, а теперь сижу рядом с теми, кто желал моей смерти, вкушаю сладкий урюк и даже не ставлю защитных заклинаний. Но на моей родине нет Договоров, есть только клятвы, равные для людей и Иных. В степи негде существовать Дозорам — попробуй поймать дикого Темного, загубившего целое кочевье, если его следы давно остыли и поросли быльем! Да и когда еще найдут это место...

Даже синий мох — постоянный житель городского Сумрака — не цепляется к кочевникам. Может, оттого степные люди славятся своим открытым и спокойным характером?

Договор отзвучал.

— Вы явились на Великий Совет по приглашению Ночного Дозора Самарканда, — буднично сказал Фазуллах. На него обратилось несколько десятков глаз. Светлые и Темные, почти все — первого ранга и выше. Даже слуга-вампир куда-то вышел, видимо, не его ушей дело.

— С тех пор как был заключен Договор между Светом и Тьмой, этот город посетило процветание. — Некоторые из гостей на этих словах поморщились, видимо, «процветание» создало им ряд неудобств. Фазуллах сделал вид, что не заметил недовольства. — Равновесие установилось между нашими Силами. Чтобы сохранить его и преумножить, Договор должны принять все.

Многие недоуменно переглянулись. Робкий женский голос нарушил возникшую вдруг тишину:

— Договор принят. Скреплен печатями Силы. Кто посмеет его нарушить?

— Уважаемая Сели-ханым, речь не о нарушении. Речь о...

Я поразился. Женщина, еще и Темная! В Хорезме! Интересно, чьей наложницей она стала и скольких рабынь, согревших ложе ее избраннику, успела погубить? Ведьма куталась в многослойные одежды, которые оставляли открытым лишь цепкий холодный взгляд. Половина слоев отнюдь не из ткани: слишком уж хищно они колыхались от малейшего движения хозяйки.

— ...и все царства из сильных ныне приняли Договор. Но есть многие, кто отказался или не внял. Может случиться война, где Светлые и Темные встанут на одной стороне...

Пока я разглядывал Сели-ханым, Фазуллах с поистине Светлым терпением пересказывал суть заключенного соглашения. Будто не твердили его только что хором. Женщина, кажется, слушала только из вежливости. Засмотревшись на ладную фигурку (вот умеют хорезмские красавицы укутать себя до самых бровей, но стать еще соблазнительней!), я пропустил почти все мимо ушей и опомнился, только когда по залу пронесся единый вздох.

— Снова! — с болью в голосе произнес кто-то.

— Да, Джору... Это не будет битва Света и Тьмы. Будем сражаться со своими же. — Фазуллах в скорби склонил голову.

— Почтенный Фазуллах умеет говорить мудро, — прошелестел знакомый голос, — и у нас уже трясутся поджилки. Но с чего бы Тьме идти против Тьмы, даже если Договор принят только на одной стороне?

Ах, паршивец... Его я почувствовал еще на входе. Оборотни редко доходят до первого ранга, а вот поди ж ты, Алар, которого я почти развоплотил шесть лет назад, добрал нужное число жертв! И теперь по праву сильного занимает место на Совете. В груди закипела ярость.

— Так будет, если мы не убедим всех Иных от Хорезма до Японии создать Дозоры. — Фазуллах будто не заметил ехидного тона.

— Пока что никакого проку нет от наших Догово... ренностей. — Оборотень в последний момент исправился и довольно пронаблюдал, как меняется лицо Светлого. — Мои Темные братья склонили головы под страхом смерти. Вы теперь диктуете, сколько людей положено убивать, запрещаете нам охоту ночью. Право, жизнь без Дозоров была честнее: я опасался только Светлых, не ожидая, что меня загрызут свои же за лишний кусок человеческого мяса.

— Львоподобный Алар отвергает Договор? — Фазуллах остался бесстрастен, хотя по всему залу гости начали вскакивать с мест. В неровном свете лампадок вспыхнуло несколько искр — предвестников магической потасовки.

— Ведь для того вы и собрали Совет, верно? — ехидно продолжил оборотень, и его лицо поплыло, обретая звериные черты. — Проверить, как соблюдается буква Договора! Дневному Дозору Бухары он не пришелся по нраву. Все мои подданные ждут одного только слова...

Воздух вдруг стал ватным. Алар осекся, с ненавистью глядя на Светлого, но его ярость быстро сменилась страхом: вокруг, выпучив глаза, хватались за грудь все гости Совета. Недавние искры погасли: вместе с воздухом в зале будто исчез Сумрак, лишив всех возможности защищаться и нападать.

На краткие секунды я ощутил себя дряхлым старцем: ослепнув и оглохнув, схватился за сердце... и все прекратилось. Собравшиеся в зале изумленно переглядывались, недоверчиво ощупывая себя и разминая пальцы. Видимо, «быстрые» заклинания, подвешенные на мгновенное использование, вернулись к своим владельцам.

— «Вето»! Зачем?! — воскликнул кто-то.

Заклинание, дающее право говорить и действовать только тому Иному, который его применил. Изобретенное самим Фазуллахом для неведомых целей. У «вето» было побочное действие — применивший его не мог дальше что-то утаивать и скрывать от присутствующих. Требовалось произнести некую истину, зачастую непри-

ятную, — о самом Ином, либо огласить секрет, который утаивался. Либо предсказание.

— По-другому... не прекратить эту войну. Теперь мне нужно сказать правду... — Лицо Светлого исказилось, а голос стал хриплым: — *В год, чье число — десять, родится дитя из крови. Взрастает на кобыльем молоке... Пойдет Свет на Свет, Тьма на Тьму! Без Клятвы Иной все пропало, исказилось! Нет больше мира, нет войны...*

Фазуллах шатнуло. «Вето» выпило почти всю Силу, и Светлый остался перед нами беззащитней ребенка. Все молчали, ожидая, когда он продолжит речь, но в зале вдруг противно захихикали.

— Так вот чего боишься ты, главный Светлый вся Хорезма! Убить невинное дитя! — Алар держался за живот, будто и в самом деле мог лопнуть от смеха. И хорошо бы! — Вот зачем тебе Договор для всех Иных! *«Без Клятвы все пропало»!*

— Замолчи! — Голос ведьмы Сели-ханым. Неожиданно. Когда это Темные шли против своих? Женщина на миг опустила глаза и, когда подняла их, смотрела только на Фазуллаху. — Скажи, Светлый... Ведь и вправду куда проще найти младенца и пресечь войну малой кровью, чем заставить всех Светлых и Темных мира принять Договор.

Фазуллах молчал и переводил взгляд с одного лица на другое. Он видел то, чего не хотел бы видеть никогда: даже на лицах Светлых была мрачная решимость уничтожить ребенка ради спокойствия всех Иных. У некоторых — самоубийственная готовность даже развоплотиться ради великой цели. Показалось, или в его глазах мелькнули слезы?

— Джалим-хоса, — голос главы Совета был полон горечи.

— Да, Светлый владыка, — у меня запершило в горле.

— Год, о котором говорится, начался три луны назад. Ты многое видел в диких степях. Был ли среди них подходящий ребенок?

— Мне... мне неизвестно... — Я на миг запнулся, подумав о «сфере отрицания». Надо было скрыть мысли, спрятать глубоко свою догадку... Не успел. Фазуллах «прочел» меня раньше.

Он упал на колени. Все запоздало вспомнили, насколько Светлomu тяжело стоять после «вето». Условия выполнены, правда прозвучала, но «вето» продолжало пить Силу, утаскивать Фазуллаху в сумеречную кому.

— Джалим-хоса, ты пройдешь от Хорезма до государства Цзинь... Проверишь все племена, которые пьют молоко кобылы, и найдешь ребенка. — Он не просил, не приказывал. Фазуллах будто вещал истину: то, что обязательно свершится. — Затем... — Светлый начал заваливаться набок, — делайте так, как решено. Это слово всего Совета.

Фазуллах распластался на полу безвольной тряпицей. Я посмотрел на него через Сумрак и едва не вскрикнул. Душа Светлого, его сумеречная оболочка, была сплошной черной дырой.

Но он дышал. Вроде бы.

2

— Темуджин... Что мы скажем твоему отцу? Что скажет твоя мать Оэун?

Всю дорогу от реки старая служанка охала и причитала. Мальчика хватились, только когда солнце начало клониться к закату.

— Сын вождя монголов не должен прибавлять седых волос родителям! — не умолкала женщина. Темуджин молча тащился следом за ней. Отец был справедлив и никогда не наказывал его за долгие прогулки. Но в этот раз Темуджин чувствовал, что простым замечанием не обойдется. Старшему сыну вождя не пристало бегать от сватовства.

— Сугар! — тихо позвал он, остановившись.

Служанка обернулась.

— Я видел тени на воде... Всадники-воины мчались не разбирая дороги...

Темуджин прикрыл глаза и не заметил, как вытянулось лицо старой Сугар.

— Их гнал страх! Я водил рукой по воде, вот так, — мальчик погладил рукой воздух, — и они кричали. А потом под ними тень расступилась... Я топил одного за другим, пока все всадники не исчезли. Сугар, ты мудра, скажи, что значит мое видение?

Солнечный свет вдруг поблек: из-за горы Бурхан выползло большое темное облако. Ливни приносили в степные края жизнь, заставляя жухлую траву зеленеть и давать новые побеги. Монголы радовались дождям, считая их благосклонностью Отца Неба, хотя память стариков хранила недобрые годы, когда солнце со-

всем не выходило из-за туч. Темуджин плотнее запахнул халат, вглядываясь в темнеющее небо и не замечая пристального взгляда служанки.

Сугар смотрела на мальчика сквозь Сумрак и видела то, что наполняло сердце горечью: радужное облако вокруг Темуджина утратило детскую неопределенность. Еще несколько лун назад мальчик был готов ступить на любой из путей Силы, но теперь в его «второй душе», как про себя называла Сугар эти всполохи, отчетливо виднелись темные пятна. Что-то извне исказило сумеречный облик маленького монгола, вложив в него порок и гнев.

— Какого племени была твоя конница? — Сугар положила руку на плечо будущего Темного.

— Не разобрать. Я столькох и не знаю, — прошептал мальчишка.

— Ты спал, Темуджин. Солнце нынче светит ярко, рождая дурные сны. Поторопимся же, пока твой отец не прислал воинов искать маленького негодника!

* * *

Подол халата вымок и тяжело бил по ногам. Позади остались теплые кострища, заботливо закрытые пологам от случайного дождя. Там раскинулось родное кочевье, где ночная стража охраняла сон людей, ведущих свой род от степных ветров. Никто не пройдет незамеченным мимо храбрых монголов, преданных своему господину.

Никто, кроме Иной.

Земля липла к подошвам, будто призывая остановиться, передумать. Сугар, прихрамывая, уходила в сторону реки. Лунный свет превращал долину в ровное полотно, на котором малейший кустик отбрасывал огромную тень.

Нет тени чернее, чем в полночной степи...

Походка женщины вдруг обрела почти девичью легкость. Согнутая спина распрямилась, по плечам хлестнула волна темных волос. Монголка двинулась по кругу, напевая что-то под нос и приплясывая. Здешние края знали много песен, но эту нельзя было спеть доброму гостю или затянуть в честь победы над врагом.

На берегу реки Онон звучала песнь Духов.

У Сугар болели колени, поврежденные когда-то ударом кнута, но она не прекращала странного действия. Ветер будто подталкивал служанку, заставляя сокращать каждый круг на несколько шагов. Песня оборвалась одновременно с танцем. Сугар привычно посмотрела на свою тень, но не стала входить в Сумрак. Вместо этого тень сама поднялась в полный рост и замерла.

— Я зову духов монгольского племени, — тихо сказала ей Светлая.

Молчаливая темная масса колыхнулась и изменилась в размерах: теперь она превосходила женщину ростом и шириной плеч.

Сугар почувствовала, как ее ощупывает взгляд из самых глубин Сумрака, куда ей никогда не спуститься.

«Что ты ищешь, женщина Света?» — проговорила тень.

— Назови себя, житель иного мира! — Голос служанки дрогнул, а на лице выступил пот.

«Не тебе спрашивать об этом. Спроси то, что требует от-вета», — тень повела плечом, будто отмахиваясь от назойливой мухи.

— Темуджин. Кем он станет? — Светлую уже била мелкая дрожь, поэтому размениваться на другие вопросы не имело смысла. Сумрак тянул из служанки Силу.

«Ты знаешь. Он будет Темным».

— Что ему уготовано?! — с болью выкрикнула Сугар.

«Большая печаль. Иная судьба».

— Что будет с нашим народом? — Женщина почти шептала.

«Клятва решит все».

Тень растеклась по траве и снова приняла очертания сутулой фигуры, закутанной в несколько халатов. Колени все же подвели, и Сугар рухнула лицом в землю. По щекам катились злые слезы: духи взяли большую плату, а ответ дали слишком расплывчатый, чтобы можно было что-то понять. Одно только сказано точно: Темуджин будет Темным.

Старая Сугар плакала и колотила кулаками мокрую землю. Ее маленький хозяин, милый Темуджин, должен был стать врагом! Одному Отцу Небо ведомо, какие несчастья может принести Темный Иной, стоящий во главе племени. А ведь Есугай уже ищет ему невесту и сулит большие победы...

Сугар всхлипнула в последний раз и с трудом села. Ночь стремительно теряла свое очарование, делая все серым и невзрачным.